

В СССР НОВОГО ТОЛСТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Великий писатель не напечатал бы при большевиках ни слова

Независимая газ. — 1993. — 17 июля. — С. 7.

Марк Алданов

Архив

ЧТО ВЫ думаете о русской художественной литературе, как эмигрантской, так и советской?

— Я считаю и эмигрантскую, и советскую художественную литературу двумя ветвями единой великой русской литературы. Я думаю, что самое это деление русских писателей на две ветви в большинстве случаев образовалось в результате личных обстоятельств: очень многие советские писатели могли бы, а некоторые, верно, и хотели бы оказаться эмигрантами единственно для того, чтобы иметь возможность писать не по указке ничего не понимающих и тупых властей, а писать совершенно свободно, как пишут американские или западноевропейские писатели.

— А советская пропаганда пытается убедить людей как раз в обратном...

— Большевики постоянно твердят, будто эти западноевропейские и американские писатели несколько не свободны, а находятся, дескать, в рабстве у капитала. Едва ли разумные люди в СССР таким утверждениям верят. И это действительно совер-

Романы Марка Алданова (Ландау) (1886—1957) изданы миллионными тиражами. Но нам еще предстоит открытие Алданова — мыслителя, писателя-гуманиста, чей моральный авторитет признавался самыми различными, нередко враждующими течениями эмиграции, человека, выше всего ставившего право на свободу.

В 1992 году при содействии Фонда Оппенгеймеров и фирмы «Де Бирс» Российский фонд культуры приобрел большой архив М. А. Алданова, который сейчас хранится в архиве-библиотеке фонда.

Предлагаем вниманию читателей интервью М. А. Алданова, зачитанное в программе радиопередачи «Голос Америки» 7 ноября 1956 года, в день 70-летия писателя.

Виктор ЛЕОНИДОВ, кандидат исторических наук

шенный вздор: как в Соединенных Штатах, так и в западноевропейских странах есть газеты всех направлений. Есть и коммунистические, как есть и издательства, охотно печатающие книги авторов-коммунистов, в том числе и русских. Известно ведь, что некоторые романы Шолохова, Симонова, Горького имели в Америке и Западной Европе немалый успех. Один из них был избран тем же «Book of the Month Club», который избрал до того мою книгу.

— Много ли вы читаете советских книг?

— Покупаю или достаю немало. Они, кстати, очень дешевы. Многие советские писатели очень талантливы; например, Панова, Паустовский, Леонов, Симонов, Шолохов, Зощенко... Были очень талантливые и среди погибших, как Гумилев, Осип Мандельштам, Бабель, Пильняк... Кажется, в СССР кое-кто приписывает нам, эмигрантам, нерасположение и недоброжелательство к советской литературе. Это совершенная неправда. Я был бы искренно рад и горд, если бы в России появился Лев Толстой. Его там нет, как нет его и среди нас или в западных литературах. Разница в том, что у нас его просто нет. Ведь Толстые рождаются раз в столетие. А в СССР нового Толстого и не может быть. Уж гений-то, во всяком случае, нуждается в известном минимуме духовной и политической свободы. Шекспир, Сервантес, Толстой жили в пору, когда свободы было немного. Кое о чем они не могли говорить, кое о чем не имели права говорить все, что думали. Но их, по крайней мере,

не заставляли писать то, чего они не думали, и пределы запрещенного были гораздо уже, чем при советском или гитлеровском строе. Лев Толстой, воплощение писательского достоинства и независимости, при большевиках, наверное, не напечатал бы ни одного слова. Если бы Чехов дожил до октябрьского переворота, то он, думаю, стал бы эмигрантом и писал бы в наших либеральных изданиях и в западных или занимался бы, оставшись в России, медициной. И я уверен, что талантливые советские писатели наших дней и писали бы гораздо лучше, если бы могли писать свободно и не были вынуждены кривить душой на каждом шагу. Шолохов, например, талантливый романист, и его «Тихий Дон», особенно первый том, — хорошая книга. Но, признаюсь, мне было неловко читать его речь на XX съезде коммунистической партии. Он закончил ее великой тирадой о «родной партии» с ее могучим светлым разумом и материнскими руками... Особенно хороши эти «материнские руки», отпавшие на тот свет миллионы людей, в том числе три четверти большевистских вождей. Может быть, ему самому неловко было это выкрикивать. Но тем хуже, если он это сказал искренно...

— Вы не сожалеете, что эмигрировали?

— Нет, не сожалею. Очень тяжело писателю жить и работать на чужой стороне. Нет у меня, кроме того, колоссальных шолоховских тиражей и соответственных заработков, но по крайней мере я писал свободно, говорил то, что думаю и как думаю. Не раз мне

случалось писать и о недостатках и темных сторонах западного строя, и, разумеется, делал я это совершенно беспрепятственно и безнаказанно. Мы, эмигранты, поставлены судьбой в такие условия, что нам легче относиться ко всему объективно и беспристрастно. Далеко не все прекрасно и в демократиях. Но по сравнению с советским режимом они просто рай. И, конечно, не только для «буржуазии», как думают или говорят многие в России, а и для людей, никакой собственности не имеющих. В особенности это, разумеется, относится к Соединенным Штатам. Там любой рабочий живет и материально в 10 раз лучше, чем рабочий советский... Впрочем, это всем известно. Известно и тем, кто это отрицает.

— Вернетесь ли вы в Россию, если там установится более или менее свободный строй?

— Не знаю, доживу ли. Но если доживу, вернусь, когда русское посольство поставит пропуск на мой наansenовский паспорт.

— Марк Александрович, в день вашего семидесятилетия чего вы пожелали бы живущим в России писателям и всем вашим соотечественникам?

— И тем, и другим, и себе желаю прежде всего освобождения России. Человеку свойственно и естественно желать свободы — бытовой, духовной, политической — «свободы от страха», по знаменитому выражению президента Рузвельта. Свободы веры и мысли и уверенности в том, что его не могут в любой день ни за что ни про что посадить в тюрьму или расстрелять. Правда, некоторых казненных или замученных людей теперь либерально «реабilitируют», но это едва ли так уж утешает их близких, оставшихся в живых. Я не очень люблю политику, еще меньше люблю политические термины, но глупое, случайно создавшееся в мозгу Муссолини слово «фашизм» кратко обозначает то, что я ненавижу. Каким бы другим словом это ни называлось и под каким бы соусом ни подавалось. Желаю человеку человеческой жизни.